

Елена Устиновская

Камертон

СТИХИ

Елена Устиновская
Камертон. Стихи

«Издательские решения»

Устиновская Е.

Камертон. Стихи / Е. Устиновская — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-908411-8

Заходите тихо в дом с большими окнами, вытирайте ноги. Здесь живут стихи. Они ждут гостей, чтобы говорить с ними — негромко, просто, откровенно. Автор покажет вам мир с той стороны, с которой мы редко видим его — мешают повседневные заботы, загруженность, суета... Просто немного побудьте здесь и сейчас, и ваш внутренний камертон обязательно отзовется — высокой и чистой нотой.

ISBN 978-5-44-908411-8

© Устиновская Е.
© Издательские решения

Содержание

«Боль – не догонит. Уйду – в сон...»	6
«И день, и ночь – прислушиваться к звуку...»	7
«Отвезу мою тоску к морю...»	9
«В каких-то тёмных пещерах таилась...»	10
«Где-то больше нет меня...»	11
Кукла	12
«Отдай мне, зима, своё белое платье...»	13
Заговор	14
«Слово горькое – «потеряна...»	15
«Острыми стёклами слов резал вслепую...»	16
«И шёпот, как молитва, с губ...»	17
Марине	18
Ветра	19
Сквозняки	20
Сон	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Камертон Стихи

Елена Устиновская

© Елена Устиновская, 2018

ISBN 978-5-4490-8411-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Боль – не догонит. Уйду – в сон...»

Боль – не догонит. Уйду – в сон.
Время – не тронет. Я вне времён.
Страх – не поймает. Душа – моя.
Дань не взимают с таких, как я.

«И день, и ночь – прислушиваться к звуку...»

И день, и ночь – прислушиваться к звуку,
и всё равно его не убережь.
Чужую заблудившуюся руку
снимая с плеч,

быть непохожей, молчаливой, тонкой,
курить, вполголоса роняя «нет», —
присутствовать. И вслушиваться только
в тот дивный бред,

которым ночи полны до предела.
А дни – как акварельные штрихи,
как бабочки: пестры, легки, несмелы,
и как стихи, —

лишь начаты – и вот уже разлука,
и ночь диктует странные слова...
Так, трепетно прислушиваясь к звукам,
живёт трава;

так дерево ладони тянет к небу,
неистово, почти лишаясь чувств;
и вслушивается в ночную негу
жасмина куст...

И я – трава, я – дерево, я – стебель,
я слушаю, я только слышу, но —
в какую же немислимую степень
возведено

моё молчанье! Не слезой – стихами
прольётся ли?.. Останется – ничем?..
Кто тайну мог бы выразить словами?
Лишь тот, кто нем.

Ни ласки, ни любви, ни снов, ни хлеба, —
не нужно ничего в тот редкий час —
тот час, когда мы можем слышать небо,
и небо – нас;

тот час, когда придут слова живые —
сберечь, не растерять их, сохранить,
собрать в ладонь, как капли дождевые,
и не пролить, —

так день и ночь. Привычно и волшебно
всю несказанность принимая в дар,
быть пленницей немой немого неба —
во власти чар.

«Отвезу мою тоску к морю...»

Отвезу мою тоску к морю.
Поброжу с ней по песку вволю.
Покажу ей над волной – чайку,
побросаемся цветной галькой.

Отогреем на песке спины,
пропитаемся морской солью,
и забудем с нею все зимы,
даже ту, что вся была – болью.

Будет целовать прибой пятки
в летнем мареве дневном жарком.
Поиграю я с тоской в прятки,
а потом и отпущу – к чайкам.

Станет яркий сарафан – блёклым.
Солнце волосы в вино выжжет.
Стану на морских ветрах – лёгкой,
и останется одно – выжить.

«В каких-то тёмных пещерах таилась...»

В каких-то тёмных пещерах таилась,
каким-то тёмным богам молилась,
на мысли гнетущие, тёмные злилась...
И вот – проснулась! И вот – явилась!

Из пепла, из крови и боли – вышла,
без света, надежды и воли – выжила,
тёмная, грешная, бесконечная,
чистая, прежняя, человеческая —
Душа!

«Где-то больше нет меня...»

Где-то больше нет меня,
где-то – умерла.
Изо льда и из огня —
я такой была.

Из предутренней тоски
(зимняя метель),
из тепла твоей руки
(смятая постель),

из стихов (своих, чужих —
всех не перечесть),
из таинственных ночных
снов (такие есть!),

из бессонниц и тревог,
тех, что душу жгут,
из непройденных дорог,
что к тебе ведут,

и из тех, что в никуда,
и из тех, что – вспять,
даже тех, что навсегда
отучили спать...

Ночью ветер завывал,
пёс – у будки выл.
Кто глаза мне закрывал,
кто похоронил?

Свечку тонкую зажгла —
грустно и легко.
Я сегодня умерла
где-то далеко.

Кукла

Я заводная кукла. Я – выдумка, я – ложь.
Захочешь – бросишь на пол, захочешь – заведёшь,
и я шагну с улыбкой, и повторю слова —
я выдумка, ошибка. Я без тебя – мертва.

Невольница, рабыня тепла твоей руки,
пластмассовая кукла, стеклянные зрачки.
Зависимо всецело лишь от твоих ключей
моё земное тело. А что с душой моей?

Тебе она некстати – не нужно, ни к чему.
Тебе милее кукла. С ней проще – потому,
что жить она не смеет, пока не заведёшь.
Не может, не умеет – пластмассовая ложь.

Не сплю и не мечтаю, не верю, не люблю.
Покой не нарушаю, не плачу, не молю.
Стеклянными глазами в глаза твои гляжу,
и что же будет с нами – ума не приложу.

«Отдай мне, зима, своё белое платье...»

Отдай мне, зима, своё белое платье.
По росту мне будет оно.
Тебе за него подарю целых пять я.
Мне так захотелось давно.

Как птица крылами, взмахну рукавами —
и станет заснеженным сад.
А после тяжёлым взметну я подолом —
и вьюги, и вьюги летят!

Потом закружусь, затанцую, заплачу,
как будто смертельно больна...
Скажи мне, зима, где ты прячешь, где прячешь
покой белоснежного сна?

Не надо мне платья, не надо мне слова,
которым спасалась, жила...
Тебе подарю. Берегла для другого,
но ты мне подругой была.

Заговор

Я сама себя спасу.
За три моря унесу,
за три солнца, три звезды.
Смоет дождь мои следы.

Украду у злой тоски,
что стоптала башмаки —
всё за мной, да по пятам.
Я себя ей не отдам.

Уворую, унесу.
Схороню в густом лесу
под зелёною сосной,
чтоб хранила мой покой.

Я от лиха, от беды
так запутаю следы,
что забуду и сама,
где теперь моя тюрьма,

где душа моя молчит,
не поёт и не кричит,
так я спрятала её.
Горе-горюшко моё...

«Слово горькое – «потеряна...»

З.Х.

Слово горькое – «потеряна».
Словно намертво приклеено,
словно нитками пришитое,
неживое, неизжитое.

Мне ли плакать, богу кланяться,
мне ли до смерти не каяться?
И моя ль душа печалится,
не живёт, а только мается?

Я потеряна, растеряна,
словно надвое разделена.
Сколько мне любви доверено —
столько ж горечи отмерено.

Кто придумал слово горькое?
Как по горлу – чёрствой коркою,
как в висок – тяжёлым молотом,
как в лицо – студёным холодом.

«Острыми стёклами слов резал вслепую...»

Острыми стёклами слов резал вслепую.
Душу руками закрыла – не помогло.
Кто же подарит теперь душу другую?
Вот и спасаю, и вынимаю стекло.

Горько ли, больно ли мне? Я и не знаю.
Стёклышки-стёкла, льдинки холодные слов.
Может быть, после. Сейчас – не понимаю:
разве бывает такая злая любовь?

«И шёпот, как молитва, с губ...»

И шёпот, как молитва, с губ
слетает, непослушен.
А ты не нежен и не груб —
ты просто равнодушен.

Кому молюсь? о чём прошу?..
Я и сама не знаю.
Я никому не расскажу,
о чём я вспоминаю.

Марине

Душа твоя – ни здесь, ни там, а между.
И потому я свет её ловлю,
и потому не восклицаю нежно:
где та душа, которую люблю?

Я знаю, где. Знакомы те дороги.
Там вечность, ветер и морской песок.
В глазах твоих (то – смущены, то – строги)
меж недописанных читаю строк —

любовь! Всей жизни мало (кто повинен?),
и всех моих путей к тебе, и снов,
чтоб голос твой – единственный – Маринин
услышать из-за дальних берегов.

Не отзовёшься. Эта даль – безмерна,
как ты сама. «Безмерность – в мире мер».
И, как с откоса в пропасть, откровенно:
сестра! Горчайшая из всех потерь.

Ветра

К ночи переменится погода.
Северные ветры налетят.
Я слежу за ветром год от года,
как за новорожденным следят.

Знаю ветер горький, одинокий, —
тот, когда костры повсюду жгут,
тот осенний ветер, желтоокий —
в час, когда любимых берегут.

Знаю ветер странствий бездорожных —
по полям, куда глаза глядят;
и весенний ветер дум тревожных —
тот, которым раны бередят.

Ветер с моря – ласковый и нежный —
у прибоя навевает сон.
Есть другой – он тёмный и мятежный, —
топит корабли с седых времён.

Есть ветра разгульные, хмельные —
те, что крепкого вина пьяней.
Горные ветра, ветра степные —
те, которым далеко ко мне...

В день, когда умру – сырой, осенний —
пусть сожгут. (Уже не тело – прах.)
Пеплом по ветру, золой (не в землю!),
серым пеплом – на семи ветрах.

Не возьму (туда – не забирают)
ни бессонниц, ни стихов моих.
Но ветра когда-нибудь узнают,
как – живая – я любила их.

СКВОЗНЯКИ

Зима, насквозь пронизанная болью,
насквозь пронзает колким остриём,
и так пронзительно, как чёрные уголья,
нанизано на голых ветках вороньё.

Всё дальше от тепла – лететь и таять,
всё ближе – у Всевышнего в горсти,
всё ниже на колени припадая,
всё выше откровенное «прости».

А сны – так тяжелы, но душу лечат.
Как слиток, на ладонь легла душа.
На острие иглы, никем и не замечен,
легко танцует ангел, чуть дыша.

И вот уже, серея от удушья,
прорехами на свет сквозит любовь.
Как паруса, развеивает души
холодный ветер зимних сквозняков.

Сон

Всей собой кричала небу:
помоги! Спаси! Прости!
Это – сон мой, это – небыль,
это – лунный свет в горсти.

Руки, стиснутые больно —
вверх ладонями, к Нему,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.